

5. Гиссен Л.Д. О нервно-психическом состоянии спортсменов перед ответственными соревнованиями. Журнал «Теория и практика физической культуры»: ФиС., 1966. №6.
6. Дашкевич О.В., Зобков В.А. Управление психическим компонентом состояния готовности в легкоатлетическом юношеском спринте. Теория и практика физической культуры. 1980, №3.
7. Дашкевич О.В. Психические состояния спортсменов: деятельный подход / Тезисы докладов научного симпозиума «Проблемы психических состояний в спорте»: Цахкадзор, 1987.
8. Егоров В.В. Эффективная деятельность баскетболистов в зависимости от ситуативной тревожности / Дипл. раб. М.: ГЦОЛИФК, 1985.
9. Киселев Ю.Я. Психологические проблемы предсоревновательной готовности спортсмена к ответственным соревнованиям. Л., 1977.
10. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокорства, тревоги / Вопросы психологии. 1969. №1.
11. Мохамед Лотфи, Мохамед Таха. Эффективность средств психологической подготовки баскетболистов / Дисс. М.: ГЦОЛИФК, 1981.
12. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М., 1976.
13. Найдиффер Р.Н. Психология соревнующегося спортсмена. М.: ФиС, 1979.
14. Плахтиенко В.А., Блудов Ю.М. Надежность в спорте. М.: ФиС, 1983.
15. Родионов А.В. Влияние психологических факторов на спортивный результат. М.: ФиС, 1983.
16. Спилбергер Ч.Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Стресс и тревога в спорте: Междунар. сб. М.: ФиС, 1983.
17. Стресс и тревога в спорте: Международный сб. / Сост. Ханин Ю.Л. М.: ФиС, 1983.
18. Суворов В.В. Психофизиология стресса. М., 1975.
19. Ханин Ю.Л. Исследование тревоги в спорте / Вопросы психологии. 1978. №6.
20. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., 1976.
21. Ханин Ю.Л. О срочной диагностике состояния личности в группе / Журнал «Теория и практика физической культуры». М.: ФиС, 1977. №8.
22. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте. М.: ФиС, 1980.
23. Черникова О.А., Дашкевич О.В. Активная саморегуляция эмоциональных состояний спортсмена. М.: ФиС, 1970.
24. Черникова О.А. Соперничество, риск, самообладание в спорте. М.: ФиС, 1980.
25. Шульга Т.И. Особенности волевой регуляции в процессе овладения профессиональной деятельностью. // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки» №2. 2009. С. 85-92.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922:001-057.4

Артемяева О.А.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ*

Аннотация. Представлен исторический обзор подходов к изучению социально-психологической детерминации развития науки. Определяется историко-психологический контекст данной проблемы. В качестве основания выделения основных этапов её решения рассматривается представление о смене типов научной рациональности. Обосновывается неклассический характер проблемы социально-психологической детерминации науки. Анализируются взгляды К. Маркса, М. Куна, М. Полани, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева.

ва. Обосновывается необходимость и определяются возможности постнеклассического подхода к решению проблемы в современной отечественной истории психологии.

Ключевые слова: социальная детерминация познания, социально-психологическая детерминация развития науки, тип научной рациональности, личность учёного.

O. Artemeva

HISTORY OF RESEARCH OF SCIENCE
DEVELOPMENT SOCIAL-PSYCHOLOGICAL
DETERMINATION

Abstract. The historical review of ap-

* © Артемяева О.А.

proaches to studying of social-psychological determination of development of a science is presented. The historical-psychological context of the problem is defined. The basis of allocation of the main stages of its decision is change of types of scientific rationality. Nonclassical character of the problem of social psychological determination of science is proved. K. Marx, M. Kun, M. Polany L.S. Vygotsky, S.L. Rubinshtein, B.G. Ananyev, A.N. Leontev's sights are analyzed. Necessity and possibilities of the postnonclassical approach to the problem decision in a modern Russian history of psychology are stated.

Key words: social determination of knowledge, social-psychological determination of development of a science, type of scientific rationality, person of scientist.

Социальное влияние на научное познание в психологии является общепризнанным положением современной истории психологии [7; 12; 21; 30; 31; 37]. Однако необходимо понимать, что такое видение соотношения науки и общества является относительно недавним. Сохраняют свою актуальность исследования конкретных форм, механизма, результатов социальной детерминации науки. Вместе с тем арсенал современного научного знания пополнился представлением о смене типов научной рациональности [20; 34]. Обращение к истории изучения проблемы социальной детерминации науки позволит прояснить основания научных теорий и перспективы анализа проблемы в контексте смены типов научной рациональности.

Введение понятий *классического, неклассического и постнеклассического типов научной рациональности* является результатом сравнения оснований научного знания в их ретроспективе. Классические идеалы научного знания были заложены при переходе к техногенной цивилизации и становлении таких естественных наук, как физика, химия, биология в XVII веке. Внимание исследователя сосредоточивалось на объекте исследования вне средств его познания, вне субъекта познания. В качестве объекта выступали простые, малые системы. Учёные верили в возможность построения абсолютно истинной, единой для всех картины мира, исключая субъективность. Становление неклассической науки в конце XIX – начале XX вв. было обусловлено рядом революционных открытий в естественных науках, а также возникновением кибернетики и теории систем. Фокус внимания учёных расширился за счёт

включения в него средств научного познания, осознания необходимости представления основных положений теории с указанием на метод исследования. Область исследования пополнилась сложными саморегулирующимися системами. В отличие от малых систем, такие объекты характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и переменных подсистем, массовым стохастическим взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы. Осознаётся социально-историческая обусловленность познания, выбора его средств субъектом. Последний уже рассматривается не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. Таким образом, на этапе становления неклассической науки были заложены основания сращивания естествознания и социогуманитарных наук.

Дальнейшее развитие науки (в том числе открытия космологии, термодинамики, синергетики), коммуникации между представителями её разных отраслей, рефлексия научного познания обусловили становление постнеклассической науки в последние десятилетия XX в. Объектами исследования становятся сложные саморазвивающиеся системы, как принадлежащие к определённому классу, так и уникальные. Формируется идеал ценностно-нейтрального исследования, обеспечение которого требует прояснения связей фундаментальных внутринаучных ценностей с внеучными ценностями общесоциального характера. Таким образом, поле рефлексии научной деятельности расширяется за счёт включения не только внутринаучных, но и социальных ценностей и целей. Рассмотрим пути решения проблемы социальной детерминации науки на разных стадиях её развития.

На *классическом этапе развития науки* вопрос её социальной детерминации не ставился. Он был чужд исследователям, верящим в универсальный характер и безличностность научного знания. На этом этапе социальное влияние могло рассматриваться только как негативное, лишнее. В частности, Ф. Бэкон говорил о «помехах» истинного знания. К ним он относил «призраки» рода, пещеры, рынка, театра, то есть заблуждения, обусловленные страстями человека, навязываемые средой, возникающие в ходе общения или на основе усвоения неверных идей. На негативный характер зависимости знания

от страстей и культуры обращал внимание Р. Декарт. Предложенный им принцип субъективной достоверности предписывал ориентацию не на чужие мнения, а на создание собственных. Так противопоставлялось искажённое социальное мнение и истинное знание. Р. Декарт полагал, что сомнение поможет снести здание традиционной культуры и расчистить почву для постройки культуры рациональной. Данный подход был характерен для учёных классического типа рациональности, разграничивавших объект и субъект познания.

Руководствуясь принципами неклассической рациональности, можно осознать зависимость результатов от методов научного исследования, сознания, постигающего действительность, – от социальных обстоятельств, определяющих установки познания, ценностные и целевые ориентации. Начинаются исследования социальной детерминации науки. Это открывает путь к обнаружению социальной обусловленности регуляторов (установок, ориентаций) и средств (методов) научной деятельности.

Одной из наиболее продуктивных концепций социальной детерминации науки стала *марксистская*. Её осмыслению посвящён ряд отечественных монографий 1970-1980-х гг. Редактор одной из них – «Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы» (М., 1979) – Н.В. Мотрошилова определяет в качестве важнейшей предпосылки исследования социальной природы и социальной детерминированности науки анализ особенностей научно-исследовательского труда как социального явления [22]. Автор оперирует понятием «*всеобщего труда*», введённого К. Марксом. Оно фиксирует, с одной стороны, историческую взаимосвязь различных этапов развития науки, непрерывность её движения, с другой – зависимость особенностей такого труда от различных общественных условий. «При взаимодействии учёного с современниками, а также в процессе своеобразного заочного «диалога» с предшественниками и потомками научное знание, передаваемое другим людям, не «отчуждается» от его творца, как это происходит с вещью-товаром» [22, 11]. Основу составляет особая для науки форма преемственности исследовательской деятельности, «взаимный обмен деятельностью».

Анализируя представления Маркса о всеобщем труде в сфере науки, Е.Я. Режабек определяет особенности отношений между его участниками [27]. Основой для их сплочения

является «индивидуальное отношение между людьми». В процессе его возникновения происходит взаимный обмен, «универсализация способностей индивида В за счёт присвоения им способности индивида А» [27, 58]. Ориентированность человека на всеобщий труд состоит в применении, затрате, расходовании своих способностей для воспитания и развития способностей других людей. С этой точки зрения, основной задачей науки становится создание не просто орудий, а новых условий производства самого субъекта. Культурно-историческим результатом духовного производства, ни с чем не сравнимым по своему социальному значению, являются новые духовные, интеллектуальные и физические качества человека. «Коллективное присвоение общественно развитых способностей здесь предшествует коллективному производству и реализуется в нём» [27, 69]. Таким образом, в марксистском подходе подчёркивается коллективный характер научной работы, подготовки её субъектов и реализации научной деятельности. Благодаря всеобщему научному труду формируется единый арсенал познавательных средств: категориальные схемы, понятийный аппарат, логический инструментарий. Они – результат всей протекшей всемирной истории. Таким образом, по Марксу, теоретические средства умственного труда являются «подлинным, личным достоянием человека, заимствованным из общественной сокровищницы» [27, 60].

Ещё одним аспектом социальности науки, с позиций марксизма, является её зависимость от общественной практики. По мнению Г.В. Старка, И.В. Ватина и Ю.Р. Тищенко, материалистический подход к решению вопроса о социальной детерминации научного познания реализуется в постановке двух проблем [32]. Первая – связана с изучением определяющей роли материального производства по отношению к науке, вторая – обусловлена определяющим значением практики для социального познания. Раскрытие роли материального производства в развитии науки связано со спецификой предмета познания. Познающему субъекту он дан не непосредственно, а задан как проблема. Поэтому проблемы, рождающиеся в ходе производственной деятельности, неизбежно определяют направление научного поиска. В частности, потребности практики в Новое время, по словам К. Маркса, широко влияют «на формирование исследовательского поля науки, причём учёные прямо откликаются на практические потребности, подчас создавая

теории, далеко опережающие практику» [32, 44]. Философы-марксисты определяют механизм влияния материального производства через духовную атмосферу эпохи: «Тенденции, потребности и интересы практической деятельности через призму духовной атмосферы либо воздействуют на личность учёного, либо через соответствующие организации промышленно-государственного комплекса проникают в институт науки. Через осознание людьми, работающими в науке, запросов общества и производства предмет научного исследования задаётся как общественно значимая проблема» [32, 45]. Помимо этого, в марксистской концепции отмечается роль практики в селекции фактов, отражаемых в теории: факты, обнаруживаемые в ходе исследования, сначала воспринимаются изолированно, независимо от сущности, лежащей в их основе; однако, по мере их накопления и проявления в практической деятельности, развития и изменения самой деятельности, обнаруживаются единые принципы функционирования, способствующие изучению их взаимосвязи.

Таким образом, с позиций марксистской философии, материальное производство влияет на развитие науки: 1) определяя направление научного поиска через обозначение *проблемы* производственной деятельности, 2) порождая общественную потребность в исследовании определённого *предмета*, 3) детерминируя *селекцию фактов*, отражаемых в теории, 4) определяя *категории* науки и степень их разработанности посредством воздействия на способы мышления в ходе смены типов материального производства.

Развитию представлений о социальной детерминации науки на её *неклассическом этапе* способствовали дискуссии, развернувшиеся в русле *постпозитивизма*. Одной из основных предложенных концепций является концепция Т. Куна, изложенная в работе «Структура научных революций» (1962). Она стала возможной во многом благодаря критическим исследованиям К. Поппера. Наиболее существенным вкладом автора является разработка проблем динамики научного познания. До него основное внимание в философии науки уделялось структуре научного знания. В своих работах Поппер обращается к изучению динамики научного познания – процессам выдвижения, формирования, проверки и смены научных теорий. Другим достоинством его работ является изучение реальных случаев истории науки. Анализируя взгляды К. Поппера, Т. Кун соглашается с ним имен-

но в этих двух аспектах [15]. Помимо этого, Кун обнаруживает сходство с подходом Поппера в отрицании прогресса науки путём кумулятивного прироста знаний. Вместо этого выдвигается концепция революционного процесса, в ходе которого теория, не способная объяснить известные факты, заменяется новой, несовместимой с прежней. Вместе с тем учения К. Поппера и Т. Куна обнаруживают существенные отличия. К. Поппер отказывается от «субъективного» и «психологии познания» в пользу «объективного» и «логики познания». Кун критикует Поппера за объяснение научного прогресса «исключительно сквозь призму революций, которые случаются время от времени» [15, 25], за игнорирование повседневных исследований. Проблему выбора между теориями во время революции К. Поппер решает с помощью логических критериев, которые, по мнению Куна, применимы в полной мере лишь тогда, когда теория уже принята. Кун полагает необходимым обратиться к основаниям, определяющим постановку проблемы и выдвижение теорий, а не отбор одной из теорий в ходе научной революции. Для этого необходимо психологическое или социологическое объяснение, описание «системы ценностей, идеологии, вместе с анализом институтов, через которые эта система передаётся и укореняется. Зная, что представляет для учёных ценность, мы можем надеяться понять, какими проблемами они станут заниматься и какой выбор они сделают в конкретных условиях конфликта» [15, 41]. «Никакая деятельность по решению головоломок невозможна, если те, кто ею занят, не разделяют критериев, которые – для конкретной группы и конкретного времени – определяют, когда данная головоломка может считаться разрешённой» [15, 26]. Понимание успеха науки Кун связывает с пониманием силы риторически вводимых и профессионально разделяемых императивов. По его мнению, будучи институционализированными и тщательно проработанными, принципы и ценности учёных могут объяснить результаты выбора, которые не могут диктоваться только логикой и экспериментом [15, 43].

Поэтому для объяснения динамики научного познания Т. Кун обращается к анализу научного сообщества. Последнее рассматривается как сообщество исследователей, разделяющих некую общую парадигму – совокупность теорий, законов, моделей постановки и решений проблем. Его могут составлять учителя, современники и непосредственные пре-

емники в истории науки. Смену парадигм, научные революции Кун объясняет через формирование нового типа социальности, базирующейся на производстве субъектом нового знания. В развитии науки автор выделяет этапы допарадигмальной, нормальной и экстраординарной науки (научной революции). Работы Куна позволяют проследить, каким образом парадигмальное единство учёных определяет спектр актуальных научных проблем и способов их решения. Усвоение существующей парадигмы происходит в некотором смысле произвольно: «Учёные никогда не заучивают понятия, законы и теории абстрактно и не считают это самоцелью. Вместо этого все эти интеллектуальные средства познания с самого начала сливаются в некотором ранее сложившемся исторически и в процессе обучения единстве, которое позволяет обнаружить их в процессе их применения «...». Данный процесс обучения путём теоретических или практических работ сопровождает весь ход приобщения к профессии учёного. По мере того как студент проходит путь от первого курса до докторской диссертации и дальше, проблемы, предлагаемые ему, становятся всё более сложными и неповторимыми. Но они по-прежнему в значительной степени моделируются предыдущими достижениями, так же, как и проблемы, обычно занимающие его в течение последующей самостоятельной научной деятельности» [15]. Таким образом, Т. Кун определяет социально-психологический аспект детерминации научного прогресса.

В своих работах он обращается к положениям, высказанным другим представителем исторического направления в философии науки – М. Полани [25]. В частности, при описании процесса приобщения студента к науке Т. Кун говорит о приобретении «неявного знания» скорее в ходе практического участия в научном исследовании, чем при усвоении правил, регулирующих научную деятельность. Концепция *неявного знания* М. Полани предполагает наличие явного (артикулируемого) и неявного (неартикулируемого) знания, направляющих процесс научного поиска. Явное знание интерперсональное, содержится в научных гипотезах, теориях, теоретических моделях, экспериментальных законах и т. д. *Неявное знание* – личностное, его источником является индивидуальный опыт учёного, накопленный в ходе совместной исследовательской деятельности.

В представлении о неявном, неосознаваемом *личностном знании* состоит коренное

отличие концепции М. Полани от марксистского подхода к социальной детерминации научного познания. С позиций марксизма, *всеобщее* представлено совместной научной деятельностью, трудом разных поколений учёных, обусловленных объективными потребностями материального производства. Для М. Полани *всеобщее* является частью *личностного*. Через устремлённость к всеобщему учёный ограничивает свободу собственной личности в познании, подчиняет его требованиям, которые сам признаёт как нечто от него не зависимое. «Свобода субъективированной личности поступать, как ей заблагорассудится, преодолевается свободой ответственной личности поступать так, как она обязана» [25, 314].

Научному открытию, по М. Полани, предшествует страстный поиск решения, рассматриваемого в качестве потенциально предсуществующего, то есть ещё неизвестной истины. Свобода учёного ограничивается ответственностью перед членами профессионального сообщества и перед постигаемой истиной, единой для всех. Учёный постоянно рискует своим профессиональным статусом. Принцип, которому подчиняется выбор в процессе научного исследования, определяется автором как «ощущение растущей близости скрытой истины, сходное с тем чувством, которое направляет нас в попытках мысленно нащупать в нашей памяти забытое имя «...». Научная интуиция пробуждается в напряжённом движении ощущью к некоторому ещё неизвестному результату, полагаемому хотя и скрытым, но доступным» [25, 315]. Поэтому, хотя каждый акт выбора научного решения является личностным, внешне не детерминированным, тем не менее для тех, кто совершает его компетентно, он полностью детерминируется ответственностью по отношению к ситуации научного поиска. В той мере, в какой учёный действует ответственно, его личностное участие в процессе получения научных выводов полностью компенсируется тем фактом, что в своих действиях он подчинён «универсализму скрытой реальности, к которой стремится приблизиться». В концепции вовлечённости М. Полани личность учёного выступает в качестве деятельного субъекта, ответственного за «проведение и удостоверение научных открытий».

Таким образом, учёный сам решает, во что ему верить на пути научного поиска. Эта вера определяется особенностями его личности, личностного опыта, но в его решении нет произвола. Убеждения, к которым он прихо-

дит, по мнению М. Полани, порождены необходимостью и не могут быть по желанию изменены. Без личного знания учёного Полани не мыслит научное познание, но лишь тогда, когда рождение этого знания ограничено ответственностью перед всеобщим, перед истиной. Можно заметить, что в концепции М. Полани находят отражение два аспекта социальной детерминации познания. Первый аспект зафиксирован в понятии *явного знания, всеобщего*, разделяемого учёными, представленного в научной теории. Наличие явного, артикулируемого знания предполагает коммуникацию и согласие учёных относительно изучаемого предмета. Второй аспект характеризует процесс порождения неявного, интуитивного знания, решения, рассматриваемого в качестве потенциально существующего. Такое *личностное* знание возникает в ходе усвоения образцов решения научных задач, ценностей и норм научного сообщества, во взаимодействии с учителями и коллегами. Получаем, что социальная детерминация предшествует рождению и неявного, личного, и явного знания. В концепции Полани содержится положение о детерминирующем значении внутринаучных ценностей и целей в исследовательской деятельности учёного, то есть аксиологическом аспекте научного познания. Это видение вводит концепцию личного знания в разряд постнеклассических.

Итак, в постпозитивистских концепциях философии науки социальное представлено межличностным, групповым. Социальная детерминация науки рассматривается как зависимость от ценностей и принципов, разделяемых научным сообществом. Т. Кун обозначает роль научного сообщества в определении парадигмы, видении актуальных научных проблем и способов их решения. М. Полани уделяет внимание роли ответственности учёного перед научным сообществом в процессе научного поиска. Авторы отмечают значение опыта межличностного взаимодействия в научном исследовании в процессе приобщения к профессии и научной деятельности учёного. В отличие от позитивистского марксистского подхода, постпозитивисты большее внимание уделяют процессу развития, изменения научного знания, в котором социальное, межличностное оказывается средой, откуда учёный перенимает ценности и идеалы научной деятельности.

Иначе говоря, подходу постпозитивистов свойственно новое, неклассическое понимание рациональности, «когда сознание,

постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации» [35].

Таким образом, на неклассическом этапе развития представлений о социальной детерминации науки произошло осознание роли субъекта, связи средств и предмета научного познания, теории и практики. Данные изменения в научном сознании сделали возможным обращение к социально-психологической детерминации развития науки. Стало возможным изучение взаимосвязи личной и социальной детерминации познания.

Со становлением идеалов *постнеклассической рациональности* расширяются представления о закономерностях *самоорганизации науки*. Больше внимание уделяется роли личности и культуры. Знания об объекте соотносятся с социальными целями и ценностями. Сами объекты научного познания пополняются сложными, исторически развивающимися системами, включающими человека. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, определяя их интеграцию. Теоретические основания развития постнеклассической науки, по словам В.С. Стёпина, были заложены в самой науке, не в философии, а именно – в работах по термодинамике, космологии, синергетике. В современной науке ведётся значительная работа по внедрению теоретических наработок этих научных областей в психологию. Результаты исследований по термодинамике позволяют И. Пригожину перейти к выявлению закономерностей развития науки [26] и человеческих сообществ [24].

В русле синергетики опубликован ряд работ, в частности сборники «Синергетика и психология», в создании которых участвовали ведущие мировые учёные этого направления. В первом выпуске представлена статья президента «Russian Synergetic Society», редактора серии И.Н. Трофимовой «Предпосылки синергетического подхода в психологии» [35], во втором выпуске – статья одного из основателей синергетики, предложившего термин «синергетика», Г. Хакена [36].

Рассмотренные типы рациональности нашли отражение в основных подходах к истории психологии XX в. Проследим их специфику на примере отечественной психологии. Каждый историк психологии в своих

работах, так или иначе, озвучивает видение хода и основных этапов развития психологии. В частности, М.Г. Ярошевский выделяет ряд критических моментов в становлении научной историографии мировой психологии и соответствующие этапы развития мировой истории психологии (периодизация ограничена временем её составления – 1976 г.):

- 1) 1910 – 1920-е гг.;
- 2) конец 20-х – 30-е гг.;
- 3) 1940-е – начало 1960-х гг.;
- 4) 1960 – 1970-е гг.

Границы данных этапов определяют переломными «идейно-теоретическими сдвигами» [37, 4]. Для 1910-х гг. характерна критика и пересмотр вундтовского подхода к психологическому исследованию и зарождение новых направлений – поведенческого, гештальтпсихологии, психоанализа. Научная рефлексия оформляется в виде очерков всеобщей истории психологии. В 1930-е гг. – период кризиса в мировой психологии – приводит к росту интереса к методологическим исследованиям и рождению крупных историко-научных трудов. Научно-техническая революция 1960-х г. стимулирует значительные изменения в научной деятельности и, как результат, обращение к историческому опыту [13].

Таким образом, в периодизации М.Г. Ярошевского отражается представление об этапе становления классической сциентистски-ориентированной психологии (1910 – 1920 гг.), этапе осмысления самобытности психологической науки как гуманитарной (конец 1920-х-1930-е гг.), а также этапе рефлексии истории психологической науки в её развитии (начиная с 1960-х гг.) В подходе М.Г. Ярошевского учтены логика развития науки, определяющая фундамент и направление научной работы и поиска, а также зависимость науки от практических и идеологических задач, определяемых обществом.

Осмыслению состояния современной психологической науки, обусловленного логикой её развития, посвящены работы М.С. Гусельцевой. В них автор говорит об изменениях познавательной парадигмы в целом – о переходе от классической рациональности к неклассической и постнеклассической, от естественнонаучной ориентации психологии к гуманитарной и гуманистической, от позитивистского стиля мышления к герменевтическому [5; 6]. Представление о смене типов научной рациональности находит отражение в выделении этапов развития психологии:

1 этап – допарадигмальное состояние,

связанное с развитием психологических знаний в области философии;

2 этап – классическая рациональность в психологии, обусловившая её претензии на статус самостоятельной науки и возникновение «открытого кризиса»;

3 этап – неклассическая рациональность в психологии, представленная расцветом психологических школ XX в., ориентирующихся на разнообразные типы анализа;

4 этап – постнеклассическая рациональность в психологии со свойственными ей «критическим самоосмыслением дисциплины» (К. Герген), междисциплинарным курсом, «сетевым» принципом организации знания, герменевтической ориентацией исследований и т.п. (6).

Исследование, проведённое М.С. Гусельцевой, является основанием определения ресурсов психологии для ответа на вызовы современной ситуации в науке и культуре. Одним из направлений, отвечающим на «вызовы» современности, по мнению автора, становится культурная психология [6, 5]. В контексте изучения социальной детерминации науки основной интерес представляет «вызов, брошенный позитивизмом». Дискуссия в философии науки во второй половине XX в., связанная с именами К. Поппера, Т. Куна [16], И. Лакатоса [17], М. Полани [25], о которой шла речь выше, «привела к пониманию того, что “проблема объективного знания” не может быть решена в принципе: истина зависит от контекста, от перспективы [6, 10]. Перспектива же определяется постоянными социальными изменениями, поскольку строится в системе коммуникаций и человеческих отношений [38]. Поэтому преодоление кризисного состояния в психологии автор объясняет обращением к философским и культурным контекстам.

Роль психологии в решении задач, ставших перед неклассической и постнеклассической наукой, обусловлена уникальным предметом её изучения. Так, достижения психологической науки в начале XX в. способствовали развитию неклассической науки, конкретизации роли субъекта познания. Становление неклассического типа рациональности в психологии связано с её развитием как гуманитарной науки, признанием уникальности человека и его сознания как предмета исследования. Толчком для этого, по мнению Д.А. Леонтьева, послужили работы К. Левина, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, А. Адлера и Л. Бинсвангера 1920-1930-х гг. [19]. Физиология активности Н. А. Берн-

штейна, психология установки Д.Н. Узнадзе, междисциплинарная концепция человека А.А. Ухтомского, деятельностный подход А.Н. Леонтьева и субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, способствовавшие преодолению «постулата непосредственности» путём поисков «опосредующего звена» [2], определили расцвет отечественной *неклассической психологии*.

Учёным-символом неклассической рациональности в психологии Л.С. Выготским было предложено новое видение истории психологии. В своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» (рукопись 1927 г.) автор определяет основные причины кризиса в психологии, обусловленные особенностями её развития как естественнонаучной дисциплины [4]. Одним из основных положений теории Выготского является социальность психики, её культурно-историческая обусловленность. Осмысление неклассической наукой погруженности познающего сознания в социальную среду нашло выражение в культурно-исторической концепции развития психики.

С.Л. Рубинштейн видел путь выхода психологии из кризисного состояния в изучении человека, субъекта деятельности, на котором смыкаются объекты исследования основных научных школ – сознание и поведение (деятельность). Таким образом, свойственное неклассической науке осознание роли субъекта в научном познании отразилось во введённом С.Л. Рубинштейном принципе субъекта. С переходом к неклассическому типу рациональности произошло признание детерминирующей роли субъекта познания. Психология обрела собственный предмет исследования и стала самостоятельной наукой. Работы психологов на этом этапе содержали критику исследовательских подходов классической рациональности. Так, С.Л. Рубинштейн, критикуя интроспективный подход, писал: «Сведя психику к сознанию, а сознание – к самосознанию, отражению (рефлексии) психики в самой себе, эта ставшая традиционной для всей психологии декартовско-локковская <...> концепция сознания отъединила сознание человека от внешнего мира и от собственной его внешней предметной практической деятельности. В результате деятельность человека оказалась отъединённой от сознания, противопоставленной ему и потому сведённой к рефлексии и реакциям» [29, 89].

Идеи К. Маркса о социальной обусловленности познания были также блестяще

реализованы в разработке психологической теории деятельности. В концепции А.Н. Леонтьева знание предстаёт как форма «безличного» в человеке, образующаяся в ходе персонификации и индивидуализации культуры [18].

Корифеи советской психологии напрямую обращались к проблеме социальной детерминации науки. С.Л. Рубинштейн разграничивал знание и научное знание. Отмечая идеологическую ценность научного знания, он писал: «Знание – универсально, наука – социальна» [29, 332]. О культурной обусловленности научного психологического познания говорил Б.Г. Ананьев: «научное творчество русского народа в области психологии тесно связано с общими историческими судьбами развития русской культуры» [1, 6]. Таким образом, отечественные учёные заложили основы теоретического анализа зависимости познания от культуры и межличностных отношений в ходе совместной деятельности. На этом пути советские психологи выходили за рамки неклассической рациональности. Развитие марксистского диалектического подхода в философии и психологии во многом стало основой реализации постнеклассической рациональности в исследовании психической активности.

В ходе анализа типов научной национальности в психологии П.А. Мясоед замечает, что психология неклассична по самой сути теоретизирования в ней: «чтобы объективировать субъективное», психолог должен предложить способ выхода из «круга познания» [23, 11]. Наличие психологических теорий классической рациональности утверждается с оговоркой. Замечается, что рефлেকторная теория И.М. Сеченова соответствует «программе научной психологии» как аналитической дисциплины, сводящей сложные явления к простым, устанавливающей законы, основывающейся на данных физиологии. Вместе с тем снятие оппозиции «внутреннего» и «внешнего» через введение Сеченовым принципа рефлекса рассматривается как «шаг по направлению к неклассической психологии» [23].

Обращение к идеалам неклассической психологии позволяет А.Г. Асмолову обнаружить «ценностные идеологические установки общественного сознания, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии» [2, 448]. Реабилитация идей выдающихся отечественных учёных – Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, объ-

яснение причин их забвения осуществляется благодаря составлению «социальной биографии культурно-исторической психологии» [3]. Руководство установками неклассической психологии позволяет автору перейти «от анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры» [2, 454]. Надо заметить, что отмеченные возможности культурно-исторической психологии позволяют преодолеть установки не только классической, но и неклассической науки.

На современном этапе развития отечественной психологии происходит переход к *постнеклассической психологии*, к такому состоянию знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности) составляют взаимосогласованную сеть [6]. Отмеченная тенденция реализуется в разработке таких подходов, как *метасистемный* (А.В. Карпов), *интегративный* (В.В. Козлов), *коммуникативный* (В.А. Мазилев), *метапсихология* (И.Е. Гарбер), *психосинергетика* (В.Е. Ключко) и других. Постнеклассическая психология позволяет использовать различные теории и методы в зависимости от специфики изучаемой части психической реальности. Принятие идеалов постнеклассической рациональности научным сообществом является предпосылкой более адекватного осмысления эпистемологических основ психологии. Расширяются возможности изучения процессуального аспекта истории науки, её развития, а не застывших форм знания. Становление постнеклассического типа научной рациональности в современной психологии обнаруживает связь с социально-политическими и идеологическими изменениями в нашем обществе [14].

Реализация принципов постнеклассической рациональности [6] определяет новые перспективы науковедческого, методологического и историко-психологического исследования. Принцип *учёта культурного контекста* способствует более адекватной

интерпретации отдельных событий и этапов истории психологии. *Сверхрефлексивность* как ментальное новообразование постнеклассической рациональности позволяет осмысливать динамику научного познания не только как кумулятивный прирост научного знания, но и как смену равноценных научных подходов в меняющихся исследовательских контекстах. Таким образом, вклад каждого учёного, значение каждой теории должен оцениваться не с позиций одной теории, а с учётом тех вопросов, которые ставил перед собой каждый учёный в своём научном поиске (Дж. Коллингвуд). *Установка на коммуникативность* (Ю. Хабермас) способствует открытости для использования объяснительных принципов различных теорий. Усиление роли *междисциплинарных исследований* позволяет изучать исторический, политический, экономический и другие аспекты социальной детерминации психологического познания в более широком научном контексте. Вместе с тем расширение возможностей исследования в постнеклассической психологии способствует не росту, но ограничению субъективности научного поиска. Принципом становится не вмешательство, а «благоговение» перед реальностью.

В психологии внедряются идеи синергетики. В.Е. Ключко вводит специальный термин «психосинергетика» [10]. Последняя определяется как постнеклассическая наука, «прикладная синергетика», ищущая переход между духом и материей, совершающийся в человеке. «Психосинергетика выходит за пределы как гносеологического, так и онтологического (бытие человека) круга собственно психологических проблем и ставит в центр проблемы становления человека как самоорганизующейся психологической системы» [10, 107]. В своих работах В.Е. Ключко на историко-психологическом материале последовательно реализует идею о смене типов научной рациональности (в связи с самостоятельной «перестройкой» предмета науки) и принципы постнеклассической науки. В частности, в качестве открытых самоорганизующихся систем, исследуемых в постнеклассической науке, автор предлагает рассматривать «науку, изучающую человека, и человека как её предмет» [8, 9]. Самоорганизация как режим существования обозначенных систем обуславливает обращение к проблеме становления, «перехода возможности в действительность». Данная система взглядов позволяет определить новый подход к истории психологической науки, – открыва-

ющий её движение «как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами, становление» [8, 57]. Социальное в этом случае представляется как среда самоосуществления человека, преобразуемая в соответствии с его стремлениями: «Обмен системы со средой её существования всегда выступает как взаимодействие, в котором система ведёт себя как заинтересованное целое» [11, 26]. Взаимодействие учёного с социальной средой может быть понято как избирательное, «изначально включающее в себя отношение как собственную причину» [11]. Таким образом, можно говорить о том, что вопрос о социальной детерминации науки в постнеклассической психологии «снимается»: социальная зависимость развития научного познания не отрицается, но рассматривается не как фактор, но среда самоорганизации учёного (как человека) и науки.

Итак, рассмотрение истории психологии в связи со сменой типов научной рациональности позволяет не только более широко, системно осмыслить достижения предыдущих этапов развития науки, но и конкретизировать особенности взаимосвязи состояния науки и социокультурного контекста. На неклассическом этапе развития науки стало возможным изучение глубинного психологического механизма социальной детерминации познания, связанного с ролью личности учёного; социально-психологической детерминации развития науки. На постнеклассическом этапе проблема социальной детерминации науки «снимается». Социальное представлено культурной средой, в которой происходит самоорганизация науки. Расширяются возможности изучения саморазвития науки в социокультурном пространстве. Таким образом, изменения, произошедшие в методологии психологической науки конца XX-начала XXI вв., позволяют осмыслить историко-психологический материал в более широком научном и социальном контексте. Особую ценность приобретают открывшиеся возможности для истории отечественной психологии, понимание которой на протяжении десятилетий ограничивалось по идеологическим причинам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: ОГИЗ, 1947.
2. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
3. Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии [Вступительная статья] // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 3-18.
4. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291-436.
5. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99-115.
6. Гусельцева М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. №6. 2005. С. 5-15.
7. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней: учебник для вузов. Изд. 7-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2007.
8. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: Томский государственный университет, 2009.
9. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 5-19.
10. Ключко В.Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии // Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии: материалы конференции (г. Караганда, 20 апреля 2001 г.). Караганда: Изд-во Карту, 2001. С. 101-110.
11. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005.
12. Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.
13. Кольцова В.А. Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. №2. С. 6-18.
14. Кольцова В.А., Медведев А.М. Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журнал. 1992. № 5. С. 4.
15. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Выпуск 3. Проблемы анализа знания. М., 1997. С. 20-48.
16. Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977.
17. Лакатос И. Методология исследовательских программ: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
19. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 74-94.
20. Мамардашвили М.К. Классические и неклассические идеалы рациональности. М., 1984.

21. Марцинковская Т.Д. История психологии: учебник. 7-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
22. Мотрошилова Н.В. Теоретические предпосылки и проблемы марксистского исследования социальной природы познания// Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М.: Наука, 1979. С. 5-22.
23. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3-18.
24. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М.: Едиториал УРСС, 2003.
25. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
26. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Изд. 4-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003.
27. Режабек Е.Я. Всеобщий труд в сфере науки// Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М.: Наука, 1979. С. 55-71.
28. Рубинштейн С.Л. Наука и действительность// Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 336-343.
29. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
30. Саугстад П. История психологии. От истоков до наших дней. Самара: Бахрах-М., 2008.
31. Смит Р. История психологии. Пер. с англ. М.: Академия, 2008.
32. Старк Г.В., Ватин И.В., Тищенко Ю.Р. К вопросу о социальной детерминации научного познания// Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М.: Наука, 1979. С. 41-54.
33. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2008.
34. Степин. В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
35. Трофимова И.Н. Предпосылки синергетического подхода в психологии// Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. Методологические вопросы / Под ред. И.Н. Трофимовой. М., 1997. С. 6-33.
36. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке// Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Социальные процессы / Под ред. И.Н. Трофимовой. М.: ЯНУС-К, 1999. С. 11-25.
37. Ярошевский М.Г. История психологии. 2-е, перераб. изд. М.: Мысль, 1976.
38. Gergen K.J. Toward a Postmodern Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 17-30.

УДК 004.83:316.77

Григорьева А.А.

МАСС-МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС: ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРИЁМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*

Аннотация. В статье исследуются три вида масс-медийного дискурса: предвыборные дебаты, телебеседы и ток-шоу. Выявляются сходства и различия в интенциональных структурах этих дискурсов, сравниваются используемые в них приёмы речевого воздействия. С использованием алгоритмов ограниченного перебора (метод WizWhy) обнаруживаются связи между интенциями и приёмами речевого воздействия.

Ключевые слова: дискурс, интенции, приёмы речевого воздействия, интент-анализ, масс-медиа.

A. Grigor'eva
MASS MEDIA: INTENTIONAL SPACE

AND VERBAL MANIPULATION METHODS

Abstract. Three types of Mass Media discourses are analyzed in this article: election debates, TV-discussions and talk-shows. Similarities and differences between discourses' intentional spaces and verbal manipulation methods were revealed. Data Mining methods (WizWhy) were used to find connections between intentions and verbal manipulation methods.

Key words: discourse, intentions, verbal manipulation methods, intent-analysis, Mass Media.

Работа, изложенная в этой статье, является продолжением исследований, проводимых в лаборатории психологии речи и

* © Григорьева А.А.